

ОКТАБРЬ 1993 ГОДА ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

О.А. Елдинов

Аннотация. Данная статья посвящена изучению механизмов формирования массового сознания и исторической памяти о событиях социально-политических трансформаций конца 80-х–начала 90-х гг. XX в. Силовое окончание «новой российской революции» в октябре 1993 г. во многом закончило дискуссию о путях формирования политического режима в России. Общественно-политический кризис 1989–1993 гг., в начале которого общественное мнение во многом было на стороне президента, после расстрела Верховного Совета изменил восприятие институтов государственной власти и прежде всего самого Президента Б.Н. Ельцина. Расстрел Верховного Совета predetermined резкий поворот в отечественном массовом сознании: он переживался участниками событий как массовая общественно-психологическая травма, в связи с чем можно говорить о действии так называемой «спирали молчания». Неофициальная, «пропарламентская» версия исторических событий стала рассматриваться как «запретная», «экстремистская», солидаризоваться с ней могло крайне незначительное количество обществоведов, историков и публицистов. Исследование массового сознания в период 1992–1993 гг. дает возможность интерпретировать различные версии формирования политических институтов современной Российской Федерации, а также отношение населения к общественным трансформациям.

Ключевые слова: политический кризис 1993 года, демократический транзит, Верховный Совет Российской Федерации, «спираль молчания», историческая память, общественное мнение, массовое сознание, демократизация.

OCTOBER 1993 THROUGH THE LENSES OF EYEWITNESSES: THE HISTORICAL ASPECT OF THE MASS CONSCIOUSNESS' FORMATION

O.A. Eldinov

Abstract. The article concerns the formation of public opinion and historical memory about the socio-political transformations of the late 1980s–early 1990s. The end of the “new Russian revolution” in October 1993 was persuasive, which led to the end of the discussion about the ways of political regime formation in Russia. At the beginning of the socio-political crisis, 1989–1993 public opinion was in favor of the President. But after the siege and assault on the Supreme Council, the crisis changed the understanding of institutes of the state power, and, first of all, President Boris Yeltsin. Siege and assault on Supreme Council destined quick turn in national mass conscience. Siege and assault on Supreme Council were mainly mass socio-psychological trauma. So we can talk about the “spiral of silence”. The informal parliamentary version of these historical occurrences was “forbidden”, “extremist”. And only a few scientists were at one with this version. The research of mass consciousness at the period of 1992–1993 allows interpreting different versions of public institutes' formation in post-soviet Russia and public attitude to social transformations.

Keywords: The political crisis of 1993, democratic transit, the Supreme Soviet of the Russian Federation, the “spiral of silence”, historical memory, public opinion, mass consciousness, democratization.

«Я решил написать эту книгу, пересаживаясь на Западном вокзале Вены — главной железнодорожной станции Вены. Это был декабрь 1989, во многом судьбоносный момент. Я возвращался из Праги, где драматург «Гражданского Форума» Вацлав Гавел смещал коммунистическое полицейское государство и *выбрасывал сорок лет «реального» социализма в мусорный ящик истории...* Политическое землетрясение разрушало *замороженную топографию* послевоенной Европы» [Judt, 2010, p. 1]. Так начинается свою книгу известный британский интеллектуал Тони Джадт, концептуально описавший историю Европы в период с 1945 г. С этим тезисом трудно не согласиться, учитывая рубежность революционного 1989 года, изменившего политические основания Центральной и Восточной Европы.

При этом для постсоветского пространства 1989 год необходимо рассматривать в широком контексте — как начало социально-политической революции 1989–1993 гг. В данной статье мы рассматриваем заключительный этап этой трансформации (события сентября–октября 1993 г.), который в значительной степени сформировал память о данных событиях.

Финал этой революции важен и мне как автору в личном плане: именно в этом году, после распада Советского Союза, моя семья переехала в Россию из бывшей «союзной» республики в поисках лучшей жизни, совершенно не ожидая столкнуться со страхом перед новым конфликтом — осенним кризисом 1993 г. ...

В историографии до сих пор в достаточной степени не представлена проблема феномена трансформации/краха бывших «коммунистов» и их идеологических и институциональных реликтов, в том числе советской политической системы. Еще меньше работ, посвященных исторической памяти в контексте этой политической трансформации.

Одним из наиболее обстоятельных исследований проблематики функционирования институтов представительной власти в эпоху демократического транзита и их отражения в массовом сознании стала монография С.П. Обухова. В работе анализируется совокупность коллизий и перипетий общественной борьбы в российском социуме вокруг парламента и президентской власти [Обухов, 2005]. По мнению автора, общество, находясь в подвешенном состоянии, не определяло легитимность того или иного института. Отличительной чертой работы является использование социологических опросов как основного источника по изучению формирования массового сознания россиян. Первый опыт постсоветского парламентаризма в исследовании Н.И. Бирюкова и В.М. Сергеева представлен как не вполне отрефлексируемый в массовом сознании. Причины этого авторы видят в различных типах понимания политической жизни на Западе и в России — «процессуальном» и «натуралистическом» [Бирюков, 2004, с. 243–249]. Любой представительный орган парламентского типа будет восприниматься большей частью россиян в духе «соборности», что значительно отличает российский парламент от аналогичных институтов в Европе. Отдельной вехой в историографии можно назвать исследование Е.Н. Струковой, посвященное оппозиционной публицистике и

ее роли в конфликте 1992–1993 гг. [Струкова, 2005]. Данные работы концептуально проблематизируют образ данного исторического события в исторической памяти и массовом сознании.

Под массовым сознанием понимается феномен, непосредственно определяющий действия и поступки больших масс людей, формирующийся под воздействием средств массовой информации. Важным элементом массового сознания является совместный социальный опыт масс, коллективная рефлексия о пережитом. При этом нельзя отождествлять массовое сознание с групповым — оно значительно сложнее и имеет форму выражения в виде общественного мнения [Грушин, 1987, с. 255]. Общественное мнение выражается публично, как правило через медиа, и оказывает влияние на функционирование общества и его политической системы.

Историческая память представляет собой способ конструирования людьми своего прошлого. Главная особенность исторической памяти состоит в том, что она не воспроизводит историческую реальность, она фактически сохраняет версию, мнение о том или ином событии. Учитывая, что ни индивидуальной памяти, ни коллективной не свойственно сохранение всех знаний, историческая память ограничена, у нее есть свой «горизонт». «Прошлое может стать историей для данной культуры только постольку, поскольку оно для нее объяснимо (предел горизонта)» [Барг, 1987, с. 24]. «Горизонт» характеризует ограниченность кругозора, обусловленную определенной точкой наблюдения [Ассман, 2014, с. 34]. Попытка обозначить «предел» горизонта сторонников парламента и Президента в конструировании своего прошлого является главной целью данной работы.

Интерпретация событий, о которых идет речь в исследовании, невозможна без понимания механизма медиакоммуникаций, которые производили знания о конфликте. Важное психологическое значение имело заявление Генеральной дирекции Российской телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК) в поддержку Указа Б.Н. Ельцина «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», что в значительной степени формировало отношение россиян к данному событию. Общее содержание газетных полос (например, «Московского комсомольца») было направлено на формирование негативного отношения к защитникам Белого дома, вырабатывался комплекс вины (за коммунистическое прошлое). Ответственность за все жертвы политического противостояния возлагалась на сторонников парламента. В массовом сознании складывались образы «сильной президентской власти», «красного реваншизма», которые не раз еще будут актуализированы позднее. Таким образом, взаимная интеракция медиа, исторической памяти и массового сознания («культурной матрицы») становится важной проблемой анализа современной истории [Dijck, 2007, p. 28–29].

Кризис 1993 г., на наш взгляд, вписывается в рамки теории Э. Ноэль-Нойман о т.н. «спирали молчания», согласно которой люди, видя, что доминирующие общественные установки, распространяемые СМИ или их ближайшим социальным окружением, противоречат их собственному мнению, стараются избегать публично

высказывать свою точку зрения, боясь оказаться в меньшинстве. И чем сильнее им кажется распространенной господствующая точка зрения, тем сильнее они «замолкают» [Ноэль-Нойман, 1996, с. 34–41]. Поэтому тематика октябрьских событий 1993 г. в массовом сознании становится темой размытой, на повседневном уровне сознания смешивается с событиями августовского путча 1991 г. Зачастую данная тема является объектом «замалчивания» или сознательного «забывания» [К годовщине октября 1993]. Об этом свидетельствуют данные «Левада-Центра», проводившего ежегодный мониторинг общественного мнения о причинах событий сентября-октября 1993 г. Согласно социологическим опросам, массовое сознание ориентировано на то, чтобы считать причиной этих политических событий «общий развал в стране, начатый Горбачевым» [К годовщине октября 1993]. В связи с этим можно говорить об определенной размытости в сознании россиян проблематики политико-институционального конфликта 1992–1993 гг. и процесса трансформации власти в целом. Основная тенденция — это тяготение к забвению или замалчиванию (в связи с нежеланием по каким-либо причинам говорить) событий октября 1993 г. Также имеется тренд на принятие «официальной» версии конфликта в связи с ростом суждений о реваншизме и консерватизме Верховного Совета РФ и его сторонников.

Инструментом конструирования альтернативных версий исторической памяти становится политический дискурс, который представляет из себя текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве. Последняя, в свою очередь, обладает признаком процессности и связана с реальной жизнью и реальным временем. Инструментом конструирования также становятся возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов [Шейгал, 2000, с. 12]. Применительно к политическому дискурсу исследуемого периода можно выделить ряд стратегий, оказывающих влияние на конструирование исторической памяти: во-первых, это стратегия реификации (конструирование образа врага), во-вторых, стратегия делегитимизации (разрушение представлений об оппоненте), а в-третьих, стратегия амальгамирования (создание коллективной общности, «мы»-дискурс) [Паршина, 2011, с. 11].

Необходимым источником, объясняющим процесс формирования массового сознания о событиях 1993 г., являются воспоминания и мемуары самих участников событий. Именно работа с личными нарративами позволяет проследить возможность формирования нового политического дискурса. Помимо главных политических акторов в лице Б.Н. Ельцина, П.С. Грачева, Р.И. Хасбулатова и А.В. Руцкого, существует значительный сегмент воспоминаний людей «второго плана», мнения, взгляд и версии которых зачастую являются крайне важным источником для анализа политической ситуации, формировавшей массовое сознание.

Публикацию воспоминаний осуществляли периодические издания «Завтра», «Дуэль», «Правда». Также электронную публикацию записок участников событий, в том числе не попавших ранее на страницы изданий периодической печати,

осуществлял А.Л. Меллер, редактор сайта «Октябрьское восстание 1993 года» [Октябрьское восстание 1993 года]. Обращение к данному корпусу текстов позволяет выявить ценностные установки участников тех событий, понять мотивы, проследить ход и последствия событий сентября–ноября 1993 г.

Основная причина активизации демонстрантов и защитников Верховного Совета была связана с трактовкой действий Б.Н. Ельцина как «неконституционных». М.Г. Астафьев, член редколлегии газеты «День», координатор Фронта национального спасения, свидетельствовал: «...было желание бороться с произволом и хамством ельцинской власти» [Астафьев, 1998]. Многие приходили к Белому Дому, разочаровавшись в идеологии реформ или же будучи просто их противником. «Постоянно я искала для себя в “этой жизни” тенденции, которые показали бы процесс какого-либо прогресса. <...> но стало ясно, что идет небывалый грабеж страны, развал ее экономики, геноцид ее народа» [Записки очевидца]. Среднестатистические защитники Белого Дома выбирали личную мотивацию-основание своего участия в политической жизни страны: «В конце концов, каждый вправе сам решать, когда делать главную ставку в жизни, определять, его ли эта война. Да и не дома человек отсиживается, а дело делает, тоже, между прочим, под пулями...» [Таболин, 1993]. Так, на формирование «пропарламентской» версии событий оказывали влияние факторы, связанные с ухудшением экономической ситуации в стране – экономические проблемы персонифицировались в личности Президента.

Однако большинство москвичей предпочитали занимать отстраненную позицию, наблюдая со стороны Набережной или с крыш близлежащих домов. Известный советский журналист-международник И.И. Андронов писал: «еще полтора столетия назад отважный Лермонтов верно, по-моему, попрекал наш слишком “покорный народ” за непротивление произволу властителей. <...> Сегодня тоже горестно быть частицей такой же и поныне раболепной нации» [Андронов, 1998]. Аполитичность, во многом связанная с усталостью граждан от политики реформ, приводила к тому, что многие москвичи просто игнорировали события.

В первые дни было организовано питание по талонам. Это свидетельствовало о некой самоорганизации защитников Белого дома. По воспоминаниям И.О. Малярова, участника РКСМ, когда защитники выходили из горящего Дома советов, им было осознано «чувство товарищества – святое чувство – сделало меня в ту секунду сильным, дало возможность не сломаться и снова вдохновило на борьбу» [Маляров, 1998].

Примечательно, что один из участников события А.М. Бровин указывает на мирный характер манифестаций, что проявлялось в отсутствии как погромов со стороны граждан, так и какого-либо намека на пьянство. Восставшие преимущественно были мужчинами 30–50 лет, которые, несмотря на осознание своей возможной гибели, готовы были оставаться на ночные дежурства и с «с одухотворенными чистыми лицами» бороться за справедливость [Бровин, 1998].

Рассказывая о митинге 25 сентября, один из очевидцев событий указывает на возможное присутствие провокаторов. Периодически «образ провокатора» всплывает на страницах воспоминаний участников обороны Белого дома. Это проявилось при штурме подполковником С.Н. Тереховым с девятью автоматчиками штаба главного командования объединенных вооруженных сил СНГ [Гликин М., Костюков А., 1998, с. 4–5]. Тогда нападавшими был убит капитан милиции и пенсионерка. Все нападавшие были задержаны, кроме убийцы. При этом, никому из нападавших не вменялось обвинение, кроме статей о незаконном ношении оружия. Выяснить, кто стрелял в капитана В.В. Свириденко, так и не удалось, так же как и то, каким образом заместитель Министра обороны генерал армии К.И. Кобец был осведомлен о предстоящем штурме штаба. Провокации были связаны с активно распространяемыми слухами, связанными со стрельбой со «стороны американского посольства» [Воспоминания], деятельностью снайперов [Ачалов, 1998], участием на стороне Президента иностранных контингентов войск [Пугачев, 1993].

Но в целом обстановка, сложившаяся на площади перед Домом советов, была во многом в духе «народной солидарности», когда «люди откинув какие-то свои разногласия и предрассудки сошлись здесь» [Записки очевидца]. Это проявлялось в том числе и в присутствии на митинге представителей самых различных общественных движений, начиная от бывшей КПСС, монархистов, зеленых, заканчивая сторонниками активного участия в политике Русской православной церкви: «В душе шевельнулась волна надежды на лучшие дни для страны» [Записки очевидца].

Рабочих, согласно воспоминаниям участников, было не более 10%, молодежи – 15–16%, лиц пенсионного и предпенсионного возраста – 20–25%. Основная масса – это люди среднего возраста, служащие и интеллигенция, а также «ветераны» массовых акций, проводимых оппозицией в последние два года. По мнению очевидца Т.И. Денисенко, всех участников защиты объединяла нестабильность социального положения, связанная с политическим курсом. «Большинство <...> не принадлежали ни к каким партиям или движениям. Это были те, кто хотел возрождения страны, а не ее падения, потому именно эти идеи находили наибольший эмоциональный отклик. Выступающих было много и все они были очень разные. <...> Принадлежность к слоям населения тоже различная. По виду много технической интеллигенции» [Записки очевидца].

Авторы воспоминаний склонны видеть лидеров нерешительными, «неорганизованными». И.В. Константинов, председатель исполкома ФНС писал: «...мы могли тогда победить, несмотря на то, что нас было мало и мы были плохо организованы. Нас раздавила тупая, безумная сила. Но народ – рядовые участники этих событий – абсолютно не виноват в том, что мы потерпели поражение. Вожди – да» [Константинов, 1998]. Этот факт свидетельствовал о том, что в парламентском дискурсе фигура, пользовавшаяся беспрекословным авторитетом, отсутствовала. Крайне узкий, но наиболее активный и радикальный сегмент защитников Верховного Совета был представлен левыми радикалами. С их стороны всегда осуществлялась критика руководства в лице А.В. Руцкого и Р.И. Хасбулатова. Лидер

«Трудовой России» радикал В.И. Анпилов писал: «А наши руководители имели горы оружия, но от народа его прятали и все думали, как договориться с ельцинистами в Свято-Даниловом монастыре». А.М. Макашов также критиковал руководство защитников Белого Дома: «Ощущение моральной усталости от поступков людей, предающих Конституцию, несмотря на то, что должны по своему долгу ее защищать» [Анпилов, 1998].

Альтернативой левому радикализму стал поиск лидера «справа» — среди военных, поддерживающих парламент. Э.В. Лимонов отмечает, что был еще один тип политического лидера, представленный генералом В.А. Ачаловым. Он отзывается о нем как о «строгом и справедливом» организаторе [Анатомия героя]. Большие надежды на поддержку Верховного Совета возлагались на генерала А.И. Лебеде. Во время событий 21 сентября–4 октября 1993 г. А.В. Руцкой обратился к А.И. Лебеде за поддержкой и предложил ему пост министра обороны. Выступая 2 октября по Тираспольскому кабельному телевидению, А.И. Лебедь заявил, что и сторонники Ельцина, и «команда Руцкого и Хасбулатова» приглашали его прибыть в Москву, но он «в этих разборках» участвовать не намерен, так как считает, что армия в таких случаях должна держать нейтралитет. Наилучшим выходом из создавшейся ситуации он назвал одновременные выборы обеих ветвей власти и создание небольшого профессионального парламента.

Что же касается личностей А.В. Руцкого и Р.И. Хасбулатова, то реальная власть и контроль за положением вещей ими не осуществлялся. Поэтому, несмотря на патриотические заявления на митингах, направленные на поддержку Верховного Совета в течение всех дней, некоторые участники задавались вопросом: «Есть ли в руках Верховного Совета какая-либо реальная власть и почему не видно, чтобы она проявлялась?.. В умах людей зарождалось противоречие — слова о поддержке армии и флота на деле никак не проявлялись» [Записки очевидца]. Э.В. Лимонов писал, что сосуществовали лозунг «Большинство регионов с нами!» и разочарование, когда сведения об идущих к «Белому дому наших батальонах не оправдываются. Парадоксально, но спасти Советы пришли не войска, но радикалы из крайних партий» [Анатомия героя]. Лидеры митингов говорили о возрождении Советского Союза, «сибирских дивизиях», подступающих к Москве.

Сторонники парламента выстраивали образ защитников Белого дома в качестве жертв политического произвола правоохранительных органов исполнительной власти. Как свидетельствует А.М. Бровин, со стороны ОМОНа не было никаких попыток пойти на контакт с митингующими людьми. Его поведение, по мнению участников, было предсказуемо — «в ходе были дубинки, добивали митингующих ногами» [Бровин, 1998].

Тем не менее, отношение «восставших» людей к бойцам ОМОНа и солдатам было на порядок другим в ситуациях, когда победа оказывалась на стороне восставших: «... Победители поступали иначе. Они сразу же его простили, отогнали нескольких мужиков, желавших отомстить ОМОНовцу — даже приставили охрану на этот

случай» [Бровин, 1998]. Многим участникам столкновений казалось, что «власть стравливает народ и армию» [Записки очевидца].

Документальным источником неправового взаимодействия сотрудников правоохранительных органов и манифестантов стал «Доклад Комиссии Государственной Думы по дополнительному изучению и анализу событий, происходивших в городе Москва 21 сентября–5 октября 1993 года». В данном докладе приведены свидетельства столкновений правоохранительных органов и защитников парламента у стадиона «Красная Пресня» [События 21 сентября–5 октября 1993 года..., с. 201]. В приложении к докладу приводится список жертв с обеих сторон. Примечательно, что в Москве возник стихийный мемориал на улице Дружинниковской (рядом с улицей Красная Пресня), который остается коллективным местом памяти.

Столкновения с милицией воспринимались как подлинно национальная трагедия: «У меня текли слезы: довел же Бог увидеть — русские на русских! [Отец Леонид, 2003]». Представители радикалов, однако, видели в событиях революционную ситуацию, и связанную с ней необходимость решительных действий. Анонимный участник под псевдонимом «Моряк Сибиряк» писал о событиях 3 октября: «я видел настоящую народную Революцию!» [Моряк Сибиряк, 2003].

Ситуация уличных протестов действительно походила на революционную: «...началось стихийное сооружение “баррикад” <...> Троллейбусное движение было перекрыто. Мне показалось тогда, что милиция не была настроена против собравшихся. Просто одни построили “баррикады”, выразив тем самым свой протест, а другие по долгу службы, их разбирали. В результате все тихо, мирно разошлись» [Записки очевидца].

Осознание сторонниками Верховного Совета «революционности политической ситуации» вызывало определенную напряженность в коллективах. Лидеры радикалов были настроены сводить процесс к крайним формам проявления «революционно-патриотического» сознания: «Но нас беспокоит инертность переворота, то, что он не превращается в мятеж, а замкнулся в “Белом доме” <...> Отсутствие коммуникаций — это и доказательство неподготовленности мятежа, его спонтанности» [Анатомия героя].

К исходу событий многих участников охватывал пессимизм. Р.И. Хасбулатов писал: «По-моему, Россию ожидает угроза гибели или превращение в конгломерат небольших полугосударственных образований, с нищим населением, упадком производительных сил и деиндустриализацией, исчезновением культуры, искусств и науки — довольно схожими с тем, что мы наблюдаем на примере Чечни, — то есть уход из цивилизации» [Хасбулатов, 1998]. Причины поражения участники увязывали с аполитичностью большинства, с неспособностью граждан выйти на защиту своих прав: «Когда же те, кто внутренне против, перестанут отсиживаться дома, не желая даже ходить на выборы, чтобы проголосовать по своему разумению, <...>, поймут, что это их молчаливое согласие с тем, что есть» [Записки очевидца].

Основу для формирования пропрезидентской версии рассматриваемых событий заложили мемуары Б.Н. Ельцина. Крайне немногочисленные воспоминания представлены в основном сторонниками Президента, сотрудниками аппарата Президента (А.В. Коржаков), лидерами «Демократической России» (В.И. Новодворская). Также существуют записи участников обороны Белого дома, ходивших на демонстрацию «Демократической России» 26 сентября [Две недели на площади]. Воспоминания о конфликте в пропрезидентской версии имеют событийный и точечный характер, они являются своеобразным ответом на вызов парламентских сил.

В воспоминаниях Б.Н. Ельцина большое значение уделяется процедуре принятия решения о силовых мерах по разрешению конфликта: «Я знал, что утечка информации недопустима. При таком воинствующем, агонизирующем Верховном Совете информация о том, что президент распускает парламент, может стать спичкой, поднесенной к бочке пороха. Они пойдут на любую кровь, их не остановят никакие жертвы, лишь бы остаться у власти» [Ельцин, 1994, с. 348]. Президент в мемуарах сделал акцент на поддержку армии. Совместно с министром обороны П.С. Грачевым Б.Н. Ельцин посетил «элитные» Кантемировскую и Таманскую дивизии. Мероприятия по подготовке Указа № 1400 готовились втайне, в процедурные вопросы посвящены лишь министр обороны, министр внутренних дел и секретарь Президента.

Усиление оппозиционности парламента в связи с нивелированием результатов референдума только лишь ускорило силовой сценарий. Сторонники Президента конструировали из оппозиции образ врага — деструктивную силу, способную уничтожить страну: «Действительно, вся ситуация, сложившаяся в стране к осени 1993 г., была чревата. Чревата потерей контроля, диверсиями и крупномасштабным терроризмом, расколом в армии и обществе, в регионах» [Ельцин, 1994, с. 465].

Основными носителями президентской версии стали представители «Демократической России». В.И. Новодворская в своей книге «Над пропастью во лжи» публикует листовку под названием «Добейте гадину!» [Над пропастью во лжи]. В ней она дает радикально-либеральную оценку происходящих событий, используя метафоры из романа А.И. Солженицына: «Хасбулатов и Анпилов, Проханов и Руцкой, Зорькин и Макашов, тупоумные нардепы и их коричневые штурмовики, все силы реакции объединились ныне для священной травли юного российского либерализма, который один может спасти нас от Красного Колеса» [Над пропастью во лжи]. Стиль В.И. Новодворской помогал ей описывать ситуацию в духе диссидентской конфронтации с «темными силами» коммунизма: «экзистенциальное стремление русской интеллигенции к баррикадам и эшафоту, наконец-то, впервые после августа 91-го, нашло себе цель, место, время, пароль» [Над пропастью во лжи]. Гайдар был охарактеризован как «Жанна д'Арк демократии».

Крайне радикально звучали призывы демократов по отношению ко всем политическим силам, выступившим на стороне парламента. Митинг 26 сентября воспринимался участниками событий следующим образом: «Они обещают нам

расстрелы. За всю историю России они никогда не создавали, а разрушали – эти красно-коричневые. Следует запретить все коммунистические партии – от КП РФ до анпиловской и лже-патриотов, а также все их издания: “Правду”, “Советскую Россию”, “День” и другие фашистские газеты и журналы. Не выполнять решения Советов. С нами лучшие люди России: Растропович, Солженицын, который одобрил действия Ельцина. Мы победим!» [Две недели на площади].

Радикальные демократы поддерживали «внезаконность» действий, мотивируя это высшей ценностью – сохранением демократии в стране: «Весьма интересно прозвучало следующее место из выступления А.Е. Шабада: “Сегодня мы собрались, чтобы отметить победу. К сожалению, наша победа была достигнута нелегитимным путем. Что же поделать – ради демократии пришлось пойти и на это”» [Две недели на площади].

Социальным маркером, отличавшим демократов от сторонников Верховного Совета, был внешний вид. Первые, по мнению участника событий Э.З. Михайского, были «получше одеты» [Две недели на площади]. Судя по воспоминаниям участников, среди сторонников Б.Н. Ельцина было много представителей новых экономических структур, предпринимателей.

В ходе событий по Центральному телевидению транслировались заявления нескольких известных деятелей культуры, призывающие армию (объявившую ранее о своем нейтралитете) покончить с защитниками Верховного Совета.

Премьер-министр В.С. Черномырдин заявил про сторонников Верховного Совета: «Это же нелюди, зверье! Никаких переговоров!.. Надо перебить эту банду» [Зуев, 2006]. Е.Т. Гайдар выступал по телевидению и призывал москвичей собираться у здания Моссовета «для защиты свободы и демократии». Один из депутатов, перешедших на сторону Ельцина, Ю.Д. Черниченко, призвал по телевидению: «Ребята, хотите жить – раздавите эту гадину!» [Черный октябрь, 2003].

5 октября в газете «Известия» было опубликовано письмо в поддержку действий Ельцина, подписанное рядом известных писателей, среди которых – Д.С. Лихачев, В.П. Астафьев, Б.Ш. Окуджава и Д.А. Гранин (известное также как письмо 42-х). В нем высказывались призывы запретить оппозиционные (Б.Н. Ельцину) партии, закрыть оппозиционные средства массовой информации, признать нелегитимными органы высшей, законодательной и судебной власти, подвергнуть репрессиям деятелей оппозиции, для того чтобы «сделать широкий шаг к демократии и цивилизованности» [Шохина, 2006].

Авторы призывали Б.Н. Ельцина запретить «все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений», ужесточить законодательство, ввести и широко использовать жесткие санкции «за пропаганду фашизма, шовинизма, расовой ненависти», закрыть ряд газет и журналов, а также телепрограмму «600 секунд», приостановить деятельность Советов, а также признать нелегитимными не только Съезд народных депутатов и Верховный Совет России, но и все

образованные ими органы. Сторонники Верховного Совета в этом письме были названы «коммуно-фашистами», «красно-коричневыми оборотнями», «авантюристами», «хладнокровными палачами» и просто «убийцами».

6 ноября партия «Демократический союз» на своем съезде выступила с декларацией, в которой заявила о поддержке действий Б. Ельцина «по ликвидации Советов – 21 сентября 1993 года и подавлению „коммуно-фашистского мятежа“ 4 октября 1993 года» [Декларация ДС России]. Движение «Демократическая Россия» совместно с организациями «Живое кольцо» и «Август-91» провели общемосковскую акцию в поддержку действий Ельцина, включавшую митинг и манифестацию, в которой участвовали несколько тысяч человек. Также в поддержку Ельцина выступило «Общественно-патриотическое объединение добровольцев – защитников Белого дома (в августе 1991 г.) в поддержку демократических реформ – отряд “Россия”». Сторонники Б.Н. Ельцина консолидировались в общественные организации, готовые выступить в качестве защитников президентской власти, в том числе и в рамках уличного противостояния.

Таким образом, «пропарламентская» версия событий, разделяемая некоторыми участниками и современниками этих событий, была связана, в первую очередь, с юридической оценкой произошедших событий. Защитники Верховного Совета пытались использовать инструмент легитимизации: ведь только Съезд был вправе решать такие важные вопросы, как принятие и изменение Конституции. Для этой версии характерны: во-первых, оценка действий Президента Б.Н. Ельцина как «переворота» (стратегия делегитимизации); во-вторых, национал-патриотическая ориентация в оценках исторического прошлого и относительных перспектив; в-третьих, акцент на «провале» экономических реформ и связанном с ним резким падением уровня жизни населения. В целом эту точку зрения характеризует маргинальность вследствие ограниченности влияния на массовое сознание в краткосрочной перспективе. «Предел горизонта» исторической памяти оказался крайне малым: «спираль молчания» способствовала вытеснению данной версии из массового сознания.

«Пропарламентская» версия событий сентября-октября 1993 г. была связана с концепцией «соборности» и с мнением о невозможности существования института парламента в пространстве российской публичной политики. Парадоксально, но аргументы политических оппонентов «пропарламентской» концепции связаны с этим же тезисом. Исходя из него, парламент как институт, реализующий представительные, законодательные и контролирующие функции, отсутствовал в политической практике и правовых концепциях политиков, публицистов и историков. Конфликт двух ветвей власти также способствовал снижению доверия к Государственной Думе и Совету Федерации в последующие годы. Орган представительной власти в «пропарламентской» версии исторических событий существовал в качестве института, консолидирующего общество, направляющего его, а советская модель представительства представлялась идеальной формой народовластия. Именно

поэтому «пропарламентская» версия в 1990-е гг. становится благодатной средой для развития оппозиционных правых и левых идеологических течений.

Доминирующая «пропрезидентская» версия отвечала запросам тех социальных групп, которые к ней апеллировали, в первую очередь интеллигенции. Президент Б.Н. Ельцин ситуационно использовал свои полномочия (предоставленные ему тем же Съездом) для реализации собственной программы преобразования страны. При этом на всем этапе конституционного противостояния Ельцин по инерции пользовался поддержкой населения. Фактором дополнительной легитимации Президентом собственных полномочий на этапе развития конфликта в 1993 г. стал институт референдума, который был использован им в апреле 1993 г. Механизм формирования «пропрезидентской» версии конфликта был основан на значительной медиа-поддержке Президента (в первую очередь со стороны ВГТРК) и его действий. Для «пропрезидентской» версии исторических событий характерны, во-первых, оценка действий Верховного Совета как путча, «красно-коричневого» номенклатурного реванша (стратегия реификации); во-вторых, использование тезиса о необходимости «квалифицированного парламента»; в-третьих, продолжение намеченного курса реформ, но уже в несколько иной оболочке, связанной с премьерством В.С. Черномырдина (стратегия амальгамирования).

Воспоминания формировали и формируют историческую память, которая является важной частью массового сознания. Существенным является факт интереса участников событий из парламентского лагеря к созданию механизмов сохранения памяти о событиях осени 1993 г. Помимо практики «коммеморации» (создания общих для той или иной социальной группы «мест памяти» – географических локаций, где индивидуальный социальный опыт соприкасается с исторической памятью нации), существует традиция сохранения источников и воспоминаний защитников Дома советов, начатая А.Л. Меллером, редактором сайта «Октябрьское восстание 1993 года».

Необходимость в сохранении «пропарламентской» версии связана с нежеланием признавать концепцию, которая в 1990–2000-е гг. становится официальной. Она формулируется как конституционное противостояние, важное место в котором занимает тезис о «номенклатурном реванше». «Пропрезидентская» концепция нуждалась лишь в точечной поддержке определенными политическими лидерами, деятелями культуры и представителями демократических сил. Воспоминания сторонников Президента демонстрируют уверенную победу над «советским» прошлым. Так институт президентства обеспечил себе авторитет и электоральную поддержку, в том числе на будущих думских и президентских выборах, во время которых, пусть не всегда успешно, формировался образ сильной фигуры Президента Б.Н. Ельцина. В дальнейшем идея «коммунистического реванша» будет использована в полной мере как идеологический инструмент, который в значительной степени способствовал ослаблению оппозиционного левого политического фланга.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Андронов И., Анпилов В., Астафьев М., Ачалов В., Константинов И., Макашов А., Маляров И., Хасбулатов Р. Момент истины // *Завтра*. 1998. № 39 (252).
- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое Литературное Обозрение, 2014. 328 с.
- Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.
- Бирюков Н.И. Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Агентство «Издательский сервис», 2004. 544 с.
- Бровин А. Жалели // *Дуэль*. 1998. № 32.
- Гликин М., Костюков А. Октябрь 1993: 5 лет спустя – загадки остаются // *Общая газета*. 1998. № 39 (269). С. 4–5.
- Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
- Декларация Демократического союза России. Принята 6 ноября 1993 г. II-м съездом ДС России. URL: <http://ds.ru/deklar.htm> (дата обращения – 11 июня 2019 г.).
- Денисенко Т.И. Записки очевидца. URL: <http://1993.sovnarkom.ru> (дата обращения – 01 июня 2019 г.).
- Ельцин Б.Н. Записки президента. М.: Издательство Огонек, 1994. 234 с.
- Зуев В. Настанет день, когда воздастся палачам // *Советская Россия*. 2006.
- К годовщине октября 1993. URL: <http://www.levada.ru/05-10-2011/k-godovshchine-oktyabrya-1993> (дата обращения – 01 июля 2019 г.).
- Лебедев О.А. Воспоминания. URL: <http://1993.sovnarkom.ru> (дата обращения – 01 июня 2019 г.).
- Лимонов Э.В. Анатомия героя. URL: <http://lib.rus.ec/b/114040> (дата обращения – 01 июня 2019 г.).
- Махайский Э.З. Две недели на площади. URL: <http://1993.sovnarkom.ru> (дата обращения – 01 июня 2019 г.).
- Моряк Сибиряк Я рад // *Дуэль*. 2003. № 39 (336).
- Новодворская В.И. Над пропастью во лжи. URL: <http://ds.ru/books/lie.htm> (дата обращения – 15 июня 2019 г.).
- Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / общ. ред. и предисл., пер. с нем. Мансурова Н.С. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 352 с.
- Обухов С.П. Российский парламентаризм между признанием и отторжением. Проблема массового восприятия (1989–2005 гг.). М.: ИПЦ «Маска», 2005. 582 с.
- Октябрьское восстание 1993 года. URL: <http://1993.sovnarkom.ru> (дата обращения – 01 июля 2019 г.).
- Отец Леонид (И-в.) Свидетельство одного из священников Дома Советов // *Правда*. 2003. 6 октября.

- Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика / под ред. О.Б. Сиротининой. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 232 с.
- Пугачев В. В то октябрьское утро // *Коммунист*. 1993. 4 октября.
- События 21 сентября–5 октября 1993 года: организаторы, исполнители и жертвы политического противостояния // Доклад Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по дополнительному изучению и анализу событий, происходивших в городе Москве 21 сентября–5 октября 1993 года. М.: 1999. 361 с.
- Струкова Е.Н. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987–1996) / Под ред. проф. В.И. Тропина. М.: ГПИБ России, 2005. 309 с.
- Таболин В. «Кто же патриот и защитник?» // *Коммунист*. 1993. 4 октября.
- Черный октябрь. 1993 // *Альманах «Восток»*. 2003. № 7.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филологич. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
- Шохина В. Перешагнув через могилы // *Независимая газета*. 2003.
- Dijk J., van. Mediated memories in the digital age. Stanford University Press, 2007. 256 p.
- Judt T. Postwar. A History of Europe since 1945. Vintage books, 2010. 933 p.

REFERENCES

- Andronov I., Anpilov V., Astaf'ev M., Achalov V., Konstantinov I., Makashov A., Maljarov I., Hasbulatov R. *Moment istiny* [The Moment of Truth], in *Zavtra*. 1998. № 39 (252) (in Russian).
- Assman A. *Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. M.; Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2014. 328 p. (in Russian).
- Barg M.A. *Jepohi i idei: Stanovlenie istorizma* [Epochs and Ideas: The Formation of Historicism]. M.; Mysl', 1987. 348 p. (in Russian).
- Birjukov N.I. *Stanovlenie institutov predstavitel'noj vlasti v sovremennoj Rossii* [Development of institutions of representative power in modern Russia]. M.: Agentstvo "Izdatel'skij servis", 2004. 544 p. (in Russian).
- Brovin A. Zhaleli [Regreted], *Dujel'*. 1998. № 32 (in Russian).
- Glikin M., Kostjukov A. Oktjabr' 1993: 5 let spustja – zagadki ostajutsja [October 1993: The Secrets Are Kept 5 Years Later], in *Obshhaja gazeta*. 1998. № 39 (269). Pp. 4–5 (in Russian).
- Grushin B.A. *Massovoe soznanie: Opyt opredelenija i problemy issledovanija* [Mass Consciousness: Definition Experience and Research Issues]. M.; Politizdat, 1987. 368 p. (in Russian).

Deklaracija Demokrateskogo sojuza Rossii [The Declaration of The Russian Democracy Union]. Available at: <http://ds.ru/deklar.htm> (accessed 11 June 2019).

Denisenko T.I. *Zapiski ochevidca* [The Notes of the Beholder]. Available at: <http://1993.sovnarkom.ru> (accessed 01 June 2019).

El'cin B.N. *Zapiski prezidenta* [The Notes of the President]. M.: Izdatel'stvo Ogonek, 1994. 234 p. (in Russian).

Zuev V. *There Nastanet den', kogda vzdastsja palacham* [Will be a Day When Executioners Will Be Punished], *Sovetskaja Rossija* 2006 (in Russian).

K godovshhine oktjabrja 1993 [To Anniversary of the October 1993]. Available at: <http://www.levada.ru/05-10-2011/k-godovshchine-oktyabrya-1993> (accessed 01 July 2019).

Lebedev O.A. *Vospominanija* [The Memories]. Available at: <http://1993.sovnarkom.ru> (accessed 01 July 2019).

Limonov Je.V. *Anatomija geroja* [The Anatomy of the Hero]. Available at: <http://lib.rus.ec/b/114040> (accessed 01 June 2019).

Mahajskij Je.Z. *Dve nedeli na ploshhadi* [Two Weeks on the Square]. Available at: <http://1993.sovnarkom.ru> (accessed 01 June 2019).

Morjak Sibirjak. *Ja rad* [I am glad], in *Dujel'*. 2003. № 39 (336) (in Russian).

Novodvorskaja V.I. *Nad propast'ju vo lzhi* [Lying Above the Steep]. Available at: <http://ds.ru/books/lie.htm> (accessed 15 June 2019).

Noelle-Neumann E. *Obshhestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchanija* [Public opinion. The Opening of Spiral of Silence]. M.: Progress-Akademija, Ves' Mir, 1996. 352 p. (in Russian).

Obuhov S.P. *Rossijskij parlamentarizm mezhduraznaniem i ottozheniem. Problema massovogo vosprijatija (1989–2005 gg.)* [Russian parliamentarism between recognition and abruption. The problem of mass perception (1989–2005)] / Ros. akad. nauk, In-t sravnit. politologii. M.: IPC "Maska", 2005. 582 p. (in Russian).

Oktjabr'skoe vosstanie 1993 goda [The October Uprising 1993]. Available at: <http://1993.sovnarkom.ru> (accessed 01 July 2019).

Otec Leonid (I-v) *Svidetel'stvo odnogo iz svjashhennikov Doma Sovetov* [The Evidence of The House's of Soviets Priest], in *Pravda*. 2003 (in Russian).

Parshina O.N. *Rossijskaja politicheskaja rech': Teorija i praktika* [Russian political speech: theory and practice] / pod red. O.B. Sirotininoj. M., Knizhnyj dom "Librokom", 2012. 232 p. (in Russian).

Pugachev V.V. *to oktjabr'skoe utro* [This October Morning], in *Kommunist*. 1993 (in Russian).

Sobytija 21 sentjabrja–5 oktjabrja 1993 goda: organizatory, ispolniteli i zhertvy politicheskogo protivostojanija. Doklad Komissii Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii po dopolnitel'nomu izucheniju i analizu sobytij, proishodivshih v gorode Moskve 21 sentjabrja – 5 oktjabrja 1993 goda [The Occurrences of the 21st of September–5th of October, 1993: Providers, Realizers And Victims Of Political

Opposition. Report of the Commission of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on additional study and analysis of events that took place in the city of Moscow from September 21 to October 5, 1993]. M., 1999. 361 p. (in Russian).

Strukova E.N. *Al'ternativnaja periodicheskaja pechat' v istorii rossijskoj mnogopartijnosti (1987–1996)* [An alternative printed media in the history of the Russian multiparty system (1987–1996)] / Pod red. prof. V.I. Tropina. M.: GPIB Rossii, 2005. 309 p. (in Russian).

Tabolin V. Kto zhe patriot i zashhitnik? [Who Is The Patriot and The Protector?], in *Kommunist*. 1993 (in Russian).

Chernyj oktjabr'. 1993 [Black October. 1993], in *Al'manah "Vostok"*. 2003. № 7 (in Russian).

Shejgal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa: dissertacija doktora filologicheskikh nauk* [The Semiotics of Political Discourse: dissertation of doctor of philological sciences]. Volgograd, 2000. 431 p. (in Russian).

Shohina V. Pereshagnuv cherez mogily [Trampling Over Graves], in *Nezavisimaja gazeta*. 2003 (in Russian).

Judt T. *Postwar. A History of Europe since 1945*. Vintage books, 2010. 933 p.

Van Dijck J. *Mediated memories in the digital age*. Stanford University Press, 2007. 256 p.